

ХОЛДЕН КОЛФИД И ДРУГИЕ

«НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ САТИРЫ

ДОЛГИЕ годы литературоведение полагало, что «лишние люди» прекратили свое существование где-то во второй половине минувшего столетия. В крайнем случае, в первые годы нынешнего. И вдруг снова «лишние люди», на 65-м году XX века! Откуда они?

Американец Дж. Д. Сэлинджер поведал человечеству историю одного из них — Холдена Колфида. Его книга «Над пропастью во ржи» уже несколько лет волнует сверстников Холдена.

Спустя более ста лет в мировую литературу вернулись «лишние люди». Но в отличие от героев XIX века нынешние «лишние люди» значительно помолодели. Для того чтобы познать истину, юному американцу Холдену незачем отправляться в кругосветное путешествие. Мир, непосредственно его окружающий, дает отличную пищу для работы мозга. Ханжество, ложь, лицемерие — страшные болезни капиталистического общества — угнетают душу Холдена Колфида куда больше, чем угроза атомного нападения.

Герой Сэлинджера родился в годы, когда «в войну» играли уже одни ребятишки. Хотя иногда, впадая в детство, им пытались подражать и взрослые. И все-таки в эти дни человечество встретило двадцатую весну мира. Следовательно, для ровесников Холдена с войной не могут быть связаны ни жертвы, ни лишения. Напротив, для них минувшая эпопея кажется чем-то удивительно романтическим. Однако они остро реагируют на любое проявление насилия и несправедливости. Юность — самая бескомпромиссная пора в жизни человека. Здесь все кажется одинаково важным, отчего главное иногда упускается из виду.

Юность тороплива. Ей свойственно стремление к познанию. К познанию истины, самого себя, окружающих. Холден — не исключение из общего правила. Это

ничего не значит, что у Сэлинджера Колфид чувствует себя одиноком. Все ровесники Холдена чувствуют себя так же: и Стредлейтер, и Экли, и Фиби, и Пэгги... Только не все хотят сами себе в этом признаться.

Любимые книги экранизируются и инсценируются. При этом неизбежны потери. Не всякая проза вообще поддается переводу на язык другого искусства. Очень трудно, очевидно, было и А. Харламовой, принявшей решение вывести героев Сэлинджера на сценические подмостки. Ее единомышленниками стали режиссер А. Шатрин и художник М. Курилко, осуществившие постановку спектакля в Московском театре сатиры.

Появление на сцене героев Сэлинджера исполнено глубокого смысла: вот они, злонравия достойные плоды! Как все благополучно и заманчиво в этом мире: и колледжи, и отели, и экспрессы... Не жизнь, а рай земной. Но почему же тогда так неспокойно на душе у Холдена Колфида? В самом деле, почему?

Скажем сразу, что замысел постановщика оказался интереснее его осуществления. И беда здесь заключается, на мой взгляд, в том, что режиссура не захотела считаться с особенностями актерской индивидуальности, словно забыв о существовании амплуа. Конечно, все мы ратуем за расширение его границ, всем нам хочется, чтобы каждая новая встреча с любым актером была действительно новой. Однако никому не пришло в голову поручить Игорю Ильинскому роль Гамлета. И от этого возможности артиста, его талант и заслуги не только не преуменьшаются, но становятся для всех еще более очевидными.

Третий год работает в театре сатиры Андрей Миронов, актер яркого комедийного дарования, очень пластичный, музыкальный, наделенный сценическим обаянием. В это время он успешно сыграл несколько

больших и разных ролей. И среди них — Присыпкин в «Клопе», Сильвестр в «Проделках Скапена», Тушканчик в «Женском монастыре». Три роли, три актерские удачи. И вот Миронову поручают роль Холдена. Здесь театр явно идет на риск: актерская индивидуальность Миронова имеет мало общего с героем Сэлинджера.

...Какое новое столкновение с превратностями жизни повергает Холдена у Сэлинджера в отчаяние. Юноша становится все непримиримее. Но он продолжает свой путь: от детства — к юности, от юности — к возмужанию. Соприкасаясь со скверной жизнью, он остается чистым, хотя и начинает понимать, что мир, его окружающий, совсем не рай земной. Прелесть Холдена, причина его популярности у молодежи — в пытливости его ума, в большой искренности. Холден способен понять и Гамлета, и Чацкого. Герой же Миронова — вообще плохой парень. Он немного дурашлив. И по глупости творит, сам не ведая что. Холден Миронова не разочаровывается, а обижается. От такой трактовки герой Сэлинджера кое-кому может показаться даже симпатичнее. Но стоит ли из-за этого жертвовать главным, что прельщает нас в сэлинджеровском повествовании? Стоит ли, приглушая трагические ноты, акцентировать комедийные? Выгодно ли нам стремиться избежать обобщений, сводя всю историю к недоразумению?

Возьмите любой эпизод. Ну, хотя бы в гостинице. Встреча с Пэгги. Для Холдена — Миронова — это только комедийная ситуация. Его герой сначала растерян, потом смущен и испуган. Наконец, рассержен. Но все это не очень серьезно и не очень страшно. В то время как у Сэлинджера именно здесь комок подкатывает к горлу. Невинная забава превращается в трагедию. В еще одну трагедию Холдена. Правда, де-

вица Пэгги — С. Харитоновой — понимает эту ситуацию правильно. Актриса как будто хочет помочь своему партнеру и пытается доиграть за него то, чего он сам, к сожалению, сыграть не может.

...Большие, удивленно глядящие на мир глаза. Казалось бы, от такого взгляда ничто не сможет укрыться. Но это произойдет только тогда, когда увиденное не пропадет даром. Если оно задевает за живое. Особенность Холдена и состоит в способности все видеть и остро реагировать. Ничто не в состоянии укрыться от его пытливого, вглубь проникающего взгляда. Так у Сэлинджера. К сожалению, этого нельзя сказать о взгляде мионовского героя.

Конечно, до тех пор, пока человек не окажется в воде, он не научится плавать. Необходимо стремиться расширять актерский диапазон. Но, очевидно, все-таки в каких-то разумных пределах.

До сих пор я говорил только о Холдене и Миронове. А ведь в спектакле есть и другие герои, и другие исполнители. Режиссер А. Шатрин занял в своей работе представителей разных поколений театра. Одни из них — С. Харитонов (Пэгги), А. Козубский (Морис), Б. Трофимов (Бернис) — играют остро и точно. О других, к сожалению, этого сказать нельзя. Но дело здесь не в

частностях. А в главном. Задумав интересный спектакль, театр наткнулся на активное сопротивление материала, в данном случае на сопротивление актерского амплуа, не считаясь с которым, очевидно, нельзя.

А. Харламова, переводя прозу Сэлинджера на язык драмы, стремилась к созданию оригинального произведения, хотя и оставалась верна замыслу автора первоисточника. Надо сказать, что во многом это ей удалось. Думается, что своим успехом у зрителей новая работа Театра сатиры во многом обязана хорошей инсценировке. Но, конечно, не только ей. М. Курилко до сих пор был известен как один из наиболее поэтичных театральных художников. Сейчас открылась новая грань его дарования. Оказывается, он не только лирик. Кисти художника не чужды и сатирические краски. И даже гротесковые. Вместе с А. Шатриным художник находит такое изобразительное решение спектакля, которое кажется единственно возможным.

В спектакле есть и другие достоинства. Но главное из них состоит в признании того, что театр сделал благородное дело, попытавшись познакомить зрителей с героями Сэлинджера.

Б. ПОЮРОВСКИЙ

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Над пропастью во ржи». Салли Хейс — Л. СЕЛЯНСКАЯ, Холден Колфид — А. МИРОНОВ.

Фото А. Гладштейна.

Московская правда, 1965, 15 мая